

Новая Польша 10/2005

0: В ЭТОМ ЗАЛЕ

29-31 августа в Варшаве (с выездом в последний день в Гданьск) проходила юбилейная конференция, посвященная 25 летию создания “Солидарности”, на которую пригласили и меня. Конечно, несколько сот человек, приглашенных на конференцию, участвовать по-настоящему (кроме как выслушивать одну юбилейную речь за другой) не могли, но мне хотелось сказать нечто, показавшееся мне важным и даже, может быть, не совсем юбилейное. Сказать — не вышло (о чем см. ниже), и я сначала думала опубликовать задуманный текст под заголовком “Из непроизнесенного”. Однако Наталья Ворошильская, дочь моего покойного друга поэта Виктора Ворошильского, попросила меня выступить перед микрофоном русской редакции радио “Полония”, что я и сделала с большим удовольствием. Этот текст (с незначительными поправками) я и предлагаю читателям “Новой Польши”. Конечно, он более развернутый, чем если бы я выступила на конференции, где мне, может, дали бы две-три минуты, но тем лучше: мысли мои будут выражены не чересчур конспективно.

Я была очень рада, что меня пригласили на празднование юбилея “Солидарности”. Во-первых, потому что для меня “Солидарность” очень много значит. Это кусок моей жизни, и не только профессиональной как журналиста, но и личной. Это многочисленные встречи, дружба с людьми из “Солидарности” и вокруг “Солидарности”. Кроме того я думала, что если меня пригласили из Парижа приехать в Варшаву, то, значит, это все-таки признание того, что я делала в свое время для “Солидарности”. Этим моим занятием были на протяжении многих лет обзоры в “Русской мысли”, еженедельные, большие; переводы многих текстов с польского; работа в “Континенте”, где я тоже занималась в первую очередь польскими делами.

Меня не было в списке выступающих на конференции, и я этому нисколько не удивилась, потому что Россию, притом сегодняшнюю Россию, представлял Сергей Ковалев. Я все-таки не живу в России и не настолько хорошо могу сказать, что там сегодня происходит, как мой старый друг и соратник Сережа Ковалев. Но мне захотелось участвовать в дискуссии после выступлений журналистов.

На второй день была специальная сессия о прессе. В фойе была развернута выставка “Солидарность на первых страницах западной прессы”. Там, конечно, были “Монд”, “Вашингтон пост”, “Нью-Йорк таймс”, “Тайм”, другие — итальянские, немецкие и прочие — газеты и еженедельные журналы, все выходящие огромными тиражами. Но нашей “Русской мысли” там, конечно, не было. Это меня очень огорчило, и с этого я собиралась начать свое выступление в дискуссии. Сразу объясню, почему я не выступила. Я думаю, тут не было никакой злой воли, на меня действительно не хватило времени. Я записалась в дискуссию поздно, все уже должны были идти на следующее мероприятие, уже и так все кончалось позже назначенного времени. И получилось, что мне слова не дали.

Я хотела начать выступление с того, что мне очень горько, что на этой выставке я не увидела первых страниц газеты, о которой замечательный польский писатель Густав Герлинг-Грудинский говорил, что у нее самый лучший польский информационный сервис на Западе — как он подчеркивал, не исключая даже польских газет и еженедельников. На первые страницы “Русской мысли” Польша попадала неоднократно и уже не сходила с августа 1980 го. Я же сама пришла работать в газету уже после объявления военного положения и писала большущие — на шестнадцатистраничную газету — обзоры: одна, полторы, две, а иногда и три страницы. Это не считая того, что у нас появлялись одновременно еще какие-то интервью, переводы и т.п. Все это было бы невозможно, если бы это было только мое чистое желание, если это бы не было линией нашего главного редактора — Ирины Алексеевны Иловойской.

И когда я дохожу до этого момента и говорю о своей работе, о работе Ирины Алексеевны, я вдруг с удивлением понимаю, что в нынешней дискуссии о журналистике участвовали только журналисты — ни одной журналистки, хотя, кстати, и на Западе я бы могла назвать журналисток, которые этим занимались, например Вероник Суле из парижской “Либерасьон”. Но, может быть, это отсутствие женщин и даже упоминаний о женщинах в дискуссии о прессе не случайно, так как вообще на всей этой конференции с высокой трибуны слово было предоставлено единственной женщине — Мадлен Олбрайт. А ведь все мы знаем — да и здесь иногда слышались упоминания — о роли хотя бы отдельных женщин в возникновении “Солидарности”, таких, как Анна Валентинович, Иоанна Дуда-Гвязда, Алина Пеньковская. Еще нельзя забыть такую вещь, о которой я когда-то, и неоднократно, писала в “Русской мысли”, что самый жестокий приговор во время военного положения, 10 лет тюремного заключения, был вынесен именно женщине — библиотекарю Эве Кубасевич.

А возвращаясь на свою журналистскую колокольню... — всем известно, что практически почти всю прессу “Солидарности”, оппозиции до “Солидарности”, а при военном положении — прессу подполья делали на 90% женщины. Я хотела бы привести всего один пример. Я думала, что в том зале, где я выступала, этот пример был всем известен. Это Иоанна Щенсна. В 1976 г. она стала учредителем и редактором информационного бюллетеня КОРа (Комитета защиты рабочих). Помню, мы тогда в “Континенте” опубликовали целиком первый номер “Информационного бюллетеня” под заголовком “Первый номер польской „Хроники””, имея в виду “Хронику текущих событий”, учредителем и первым редактором которой была, в свою очередь, я. (Иоанна Щенсна была, как и я, необъявленным редактором, и я тогда про нее ничего не знала). Потом она стала одной из учредительниц “Агентства Солидарность” во времена “Солидарности”, одной из трех главных опять-таки учредительниц и редакторов (по-польски для этого есть слово “редакт(рка)”) подпольного “Тыгодника Мазовше”, одного из важнейших информационных изданий подполья вплоть до 1987-1988 года. Сидящие в зале конференции могли бы прибавить еще десятки имен женщин, работавших в независимой прессе.

Должна сказать, что я никогда не была феминисткой и пока что ею не стала. Но в этом зале на несколько минут я почувствовала себя почти настоящей феминисткой. Я увидела, что женщин в известном смысле дискриминируют.

И все-таки я хотела сказать не только о том, что меня огорчило. Я хотела закончить свое выступление словами о том, чем я обязана “Солидарности”. Тут у меня само собой возникало сравнение с тем, что говорил выступавший на сессии Бернар Гетта — во времена “Солидарности” корреспондент газеты “Монд” в Варшаве. Он говорил, насколько новыми для него самого, вообще для западных людей и для журналистов, работающих здесь, были идеалы “Солидарности”, ценности “Солидарности”, методы “Солидарности”. Метод открытой борьбы мирными средствами. Сама идея солидарности.

И я хотела сказать, что я тоже не только работала для “Солидарности”, но еще и очень много от нее получала. Однако, что касается борьбы мирными средствами, то это всегда был лозунг нашего правозащитного движения в Советском Союзе, еще до того, как возникла “Солидарность”. Кстати, я думаю, что оппозиционное движение в Польше, предшествовавшее “Солидарности”, может быть, отчасти от нас этому и научилось. Не от “Солидарности” приняла я и саму ценность солидарности, поскольку, скажем, таким актом солидарности была наша демонстрация на Красной площади 25 августа 1968 года против вторжения в Чехословакию. Демонстрация, на которую мы вышли, в частности, с лозунгом “За вашу и нашу свободу”. И за эту солидарность мы все, так или иначе, отсидели, кто в лагере, кто в ссылке, а кто, как я и мой друг Виктор Файнберг, — в психиатрических тюрьмах.

Но вот что для меня стало важным уроком “Солидарности”... С августа 80 го до декабря 81 го это всё был праздник — праздник с опасениями, долго ли он продлится. И в декабре стало ясно: праздник кончился. И вот после того, как праздник кончился, я начала получать мой главный урок. Я всегда была уверена, что рано или поздно коммунизм рухнет. Иначе не могло быть: это слишком противоестественная система, противоречащая природе человека. В то же время я считала его достаточно крепким и укрепившимся, чтобы надеяться, что он рухнет при моей жизни, что я это увижу. И в этом смысле я никогда не была оптимисткой. Я считала, что надо быть пессимистом, думать, что все будет плохо, и действовать, чтобы все было не так плохо, как они хотят (на мой взгляд, оптимисты — это те, кто считает, что все будет хорошо, а значит, посидим-подождем). И вот, когда наступило военное положение, в первые месяцы, даже в первые недели, я увидела, насколько широко в Польше сопротивление, открытое и подпольное. С забастовками — жестоко подавленными, демонстрациями — разгоняемыми (с применением огня, а не только слезоточивых газов), с подпольной печатью, множеством всяческих актов другого рода, изобретательностью. Я увидела, что в этих неблагоприятных условиях уже всерьез рождается то гражданское общество, которое во время открытой “Солидарности” как будто родилось, но на самом деле, как стало понятно потом, было еще в зародыше. Оно рождается, и с ним ничего не поделать.

Репрессии все время были очень серьезные. Не такие, конечно, страшные, как в Советском Союзе. Я уже назвала самый жестокий приговор, но надо сказать, что и Эва Кубасевич этот приговор не отсидела. По-моему, ее выпустили года через три. “Международная Амнистия” объявила ее “узником года”. За нее шла борьба, и ее выпустили. Люди, просидевшие во время военного положения три, четыре, даже не знаю, просидел ли кто-нибудь подряд пять лет, — это были уже просто “старые эки”. Не говоря о том, что некоторые из них сидели и до “Солидарности”. И все-таки в те годы, когда у нас давали, скажем, семь лет лагеря и пять лет ссылки по первому разу, десять и пять — по второму, конечно, приговоры были несравнимые. Слабость коммунистической власти в Польше ощущалась. То есть она и хочет, и чего-то не может. И видно, что Советский Союз, даже до всякой перестройки, уже не может ее полностью поддержать. Это, кстати, выразилось в том, что польским коммунистам пришлось самим объявлять военное положение, на чем настаивало советские политбюро, которое к этому времени уже не хотело заниматься вторжением, чувствуя, что это может плохо кончиться...

Чем я обязана всему этому огромному движению сопротивления? Тем, что я наконец начала верить и даже, честно говоря, *видеть*, что, может быть, коммунизм рухнет скорее, чем я думала. Хотя я никаких сроков не ставила, но все-таки *скорее*. И что, может быть, вдруг я все-таки до этого доживу. Но, к счастью, это произошло *еще скорее*.

И за эту надежду — а я человек, очень не любящий надеяться, — за эту осуществленную надежду я по гроб жизни обязана “Солидарности”, “Солидарности” как широкому гражданскому движению, не только как профсоюзу, который был как бы стержнем этого движения. Я обязана этим *всем* наследникам “Солидарности”, как бы они сегодня не перессорились между собой. Мне они дороги *все*. Все они поработали на то, чтобы коммунизм рухнул, чтобы советская империя рухнула, чтобы Советский Союз развалился — что для меня, сторонницы самоопределения народов, давней-давней сторонницы, было не менее важно, чем крушение самого коммунизма. Я знаю, что эта точка зрения может оказаться среди части моих слушателей непопулярна, и тем не менее я ее подчеркиваю. Спасибо большое за то, что вы меня выслушали.

1: ПОЛЬША И УКРАИНА: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Теперь, после того как и Польша, и Украина обрели независимость, об отношениях двух стран принято говорить, что они хорошие, как никогда прежде. В этом утверждении есть некоторое публицистическое преувеличение (в конце концов обе страны впервые в истории, не считая давнего прошлого, имеют возможность вполне самостоятельно формировать взаимные отношения), однако оно действительно еще никогда не было столь близким к истине, как ныне. Огромное значение имели события осени и зимы прошлого года. Во-первых, в дни “оранжевой революции” украинцы продемонстрировали, насколько близки им такие ценности, как свобода, правда, солидарность — ценности, которые поляки тоже считают фундаментальными. Во-вторых, в добивавшихся уважения к своему выбору украинцах поляки увидели как бы самих себя времен борьбы с тоталитарной диктатурой. А это вызвало — несмотря на некоторые сложности во взаимоотношениях в прошлом — не отмечавшуюся прежде на берегах Вислы волну солидарности с украинской демократией и поддержки украинского общества как такового. Не опасаясь преувеличения, можно сказать, что “оранжевая революция” вывела польско-украинские взаимоотношения на невиданный по своим масштабам “массовый уровень”. Теперь самое главное — не упустить достигнутое и одновременно расширять польско-украинские отношения во всех возможных областях.

События прошлого

С того момента, как Польша и Украина стали суверенными государствами, наибольшую напряженность в двусторонних отношениях, как это ни парадоксально, вызывали не текущие политические разногласия, а события прошлого. Главными очагами, вокруг которых возникали исторические споры, вызывавшие порой серьезные кризисы во взаимоотношениях, были: польско-украинская война 1918-1919 гг. (ее символом стало польское воинское кладбище во Львове, которое в Польше обычно называют Кладбищем Орлят), а также наследие II Мировой войны, в частности, бремя польско-украинского конфликта, в котором для польской стороны символом является антипольская операция УПА на Волыни, в Подолье и Восточной Галиции, а для украинцев — операции “Висла”, переселение украинского населения из юго-восточной в северную и западную части Польши.

Хотя процесс исторического примирения поляков и украинцев не был простым и безболезненным, следует отметить (учитывая относительно недолгий период свободного польско-украинского диалога), что народам обеих стран удалось достичь в этом процессе весьма многого. Главное, что они начали создавать (либо восстанавливать) как настоящие, так и символические кладбища жертв польско-украинских конфликтов в XX веке: польско-украинской войны — на Украине во Львове, а в Польше — в Перемышле, Александрове-Куявском, Калише-Щипёрне, Варшаве и Кракове; конфликтов во время и сразу после II Мировой войны — на Волыни и в юго-восточной части Польши). Процесс этот идет медленно и в прошлом неоднократно вызывал напряженность. Успех поляков и украинцев состоит в том, что эта напряженность не испортила текущих двусторонних отношений. Следует особенно подчеркнуть, что когда из-за событий прошлого возникал кризис, то диалог продолжал осуществляться благодаря поддержке сторонников сотрудничества по обе стороны границы (важнейшей, вероятно, стала первая польско-украинская встреча 1 ноября 2002 г., которая сопровождалась общей молитвой на польском и украинском воинских кладбищах во Львове и состоялась меньше чем через полгода после кризиса вокруг Кладбища Орлят, ставшего причиной отмены визита президента Польши на Украину). В последние месяцы новым и чрезвычайно важным явлением стало то, что в польско-украинский диалог включились римско-католические и греко-католические епископы, которые 18 июня 2005 г. обратились к верующим с письмом, содержащим призыв к взаимному прощению и примирению. Это настойчивое

стремление к диалогу, а также готовность обеих сторон искать компромисс принесли свои плоды в июне нынешнего года: состоялось официальное открытие Кладбища Орлят и кладбища воинов Украинской Галицийской армии во Львове, в котором приняли участие президенты обоих государств. Один из самых длительных споров в двусторонних отношениях завершился. Однако это не означает, что история больше не будет вмешиваться во взаимоотношения двух стран. Чтобы ее роль не была отрицательной, необходимо продолжать неустанный диалог между польскими и украинскими историками и в результате вносить необходимые изменения в учебники истории по обе стороны границы; требуется также завершить процесс создания мест памяти жертв польско-украинского конфликта. И хотя этот процесс, наверняка, не будет легким, тем не менее, учитывая имеющиеся достижения в польско-украинском сотрудничестве в этой области, можно и здесь выразить осторожный оптимизм.

Политические взаимоотношения

В области политических взаимоотношений обе страны стоят перед серьезным вызовом. Как Польша, так и Украина переживают период смены власти (в Польше политическая “смена караула” произошла осенью текущего года, на Украине она наступит весной будущего года), и чрезвычайно важно, чтобы накопленный до сих пор капитал в области польско-украинского политического сотрудничества не оказался после выборов разорванным (что касается Польши, то там нет такой опасности, ибо к власти пришли политические силы, активно участвовавшие в поддержке демократических перемен на Украине; значительно труднее предвидеть, как сложится политическая ситуация после украинских парламентских выборов). Еще один серьезный вызов — выработать и проводить эффективную политику на международных форумах в контексте кризиса внутри Евросоюза (возникшего вследствие проигранных референдумов по конституции во Франции и Голландии). Сложности в этой области возникают по причинам как внутренним, так и внешним. Самая серьезная трудность в эффективном лоббировании Польшей украинских национальных интересов — нестабильная поддержка стремления Украины в Европу самим украинским политическим классом (самым красноречивым тому примером стало парламентское голосование по пакету законов, необходимых для вступления во Всемирную торговую организацию). Внутренний кризис в Евросоюзе ведет в свою очередь к тому, что нелегкий и прежде процесс формирования Польшей коалиции в пользу членства Украины в ЕС, становится еще труднее. Это не означает, что он не может завершиться успехом. Тут самый главный капитал Украины — относительно высокая (как показывают данные опросов) поддержка стремления Украины в ЕС в странах-членах Евросоюза. Она куда выше, чем поддержка Турции, уже несколько десятилетий остающейся кандидатом на вхождение в европейские структуры. Членство в ЕС для Украины — цель стратегическая. Тем не менее было бы непростительной ошибкой сводить польско-украинские политические взаимоотношения в целом лишь к этому вопросу, ибо вне зависимости от того, когда интеграционные устремления Украины увенчаются успехом, польско-украинское политическое сотрудничество было и остается важным элементом стабильности и безопасности в нашем регионе Европы.

Экономика

Польша занимает одно из первых мест в списке торговых партнеров Украины: на пятом месте как партнер Украины по экспорту и на четвертом — по импорту. В 2004 г. объем товарооборота между двумя странами превысил 3 млрд. долларов. Следует подчеркнуть, что в последние десять лет в объеме товарооборота постоянно сохраняется тенденция роста.

В перспективе значительно более важным фактором, чем товарооборот, представляются инвестиции, ибо именно они стабилизируют экономическое сотрудничество. До конца 2004 года инвестировали главным образом поляки. На Украине работает около тысячи польских и польско-украинских фирм. По общему объему польских капиталовложений, составляющему около 200 млн. долл., наша страна занимает седьмое место среди иностранных инвесторов на берегах Днепра. Самой значительной польской инвестицией на протяжении многих лет была покупка польским “Кредит-Банком” Западно-Украинского коммерческого банка (теперь собственность банка ПКО). В последнее время на Украину начали поступать инвестиции крупнейшего польского страховщика ПЗУ. Но больше всего денег польские предприниматели вкладывали на Украине в малый и средний бизнес. Следует отметить тот факт, что объем польских инвестиций за последние два года почти удвоился. Будет ли эта тенденция сохраняться, зависит прежде всего от экономической политики Киева, от того, справится ли новая правительственная команда с разгулом коррупции и станут ли прозрачными вводимые ею правила игры в экономике (первые, несколько поспешные шаги правительства Юлии Тимошенко, когда без переходного периода ликвидировались свободные экономические зоны, к сожалению, не способствовали созданию образа Украины как страны с благоприятными условиями для инвестиций).

Вступление Польши в Евросоюз сделало польскую экономику более привлекательной для инвестирования (благодаря более легкому доступу на рынки внутри ЕС). Этот положительный аспект оценил и крупный бизнес Украины. В первой половине текущего года в завершающую фазу вступили переговоры о двух крупных украинских инвестициях в Польше: Индустриальный союз Донбасса покупает металлургический комбинат “Ченстохова”, а “Автоазу” переходит завод по производству легковых автомобилей “Жерань”, оказавшийся в исключительно трудных обстоятельствах после того, как обанкротился его прежний владелец — корейский концерн “Дэу”. Объем инвестиций в один только комбинат “Ченстохова” должен составить 1,25 млрд. злотых (около 380 млн. долл.).

Общество

“Добавленной стоимостью” “оранжевой революции” стал, как я уже отмечала выше, весьма важный “массовый уровень” польско-украинских контактов. Непростительным грехом политиков по обе стороны границы было бы растратить капитал взаимной симпатии. Чтобы этого не случилось, необходимо прежде всего организовать обмен молодежью — используя опыт уже действующей программы польско-германского обмена молодежью (эта модель дает возможность действовать в масштабе, весомом с общественной точки зрения, а кроме того предусматривает совместную ответственность, в том числе финансовую, обоих государств за контакты молодого поколения). Необходимо расширение рамок существующих программ стипендий (для молодых ученых; им. Л.Киркланда для молодых лидеров; “Gaude Polonia” для творческой интеллигенции и переводчиков польской литературы), с тем чтобы как можно больше молодых украинцев получило возможность учиться в Польше и знакомиться с нашей страной. Настало время окончательно определить официальный статус Европейской коллегии польских и украинских университетов и расширить ее деятельность.

Большую роль во взаимных контактах играли и по-прежнему могут играть неправительственные организации (добывающие средства на свою деятельность, в частности, из зарубежных источников). Многие из них (в том числе Фонд им. Стефана Батория, фонды “Новый Став”, “Просвещение для демократии”, “Возрождение”, “Школа лидеров”, “Наш Станислав”, фонды Института восточных исследований, “Польско-Чешско-Словацкой солидарности”, ассоциации “Лэва”, Восточноевропейский демократический центр) на протяжении многих лет сотрудничают с партнерами по другую сторону границы: прекрасно ориентируются в польской и украинской специфике, стремятся попасть в самые отдаленные уголки в обеих странах, и — что также немаловажно — их деятельность обходится относительно дешево. На протяжении последних лет много было дискуссий о необходимости создать специальный фонд для поддержки неправительственных организаций. Будем надеяться, что этот проект в конце концов осуществится (в последние два-три года в бюджете Польши были выделены средства на эти цели, а партии, победившие на минувших выборах, например, “Право и справедливость”, обещали создать Фонд добрососедства).

Прежде в польско-украинских контактах отношение к культуре было как к Золушке, хотя как раз культура может служить прекрасным инструментом взаимного познания и формирования связей между народами обеих стран. В этом вопросе мало что изменилось в связи с проведением Года Польши на Украине и продолжающимся, хотя и мало заметным проведением Года Украины в Польше. Ибо проводимые время от времени акции не заменят систематической работы по всестороннему представлению достижений в области культуры соседней страны (так, чтобы, например, украинская культура не ассоциировалась в Польше исключительно с фольклором). Об успехах в этой сфере мы сможем говорить лишь тогда, когда польские и украинские деятели культуры будут систематически появляться в культурном пейзаже соседней страны, а не только по случаю специально организованных “годов” или “сезонов”. Причем речь идет не только о высокой культуре, но и о популярной, ибо она-то и доходит до самого массового потребителя. Дождемся ли мы того времени, когда, например, киевские радиостанции будут транслировать наряду с украинской и русской польскую легкую музыку?

Один из самых важных вопросов, влияющих на качество наших взаимоотношений, — сама возможность пересечения границы. Речь тут идет и о процедуре выдачи виз, и о том, что происходит на границе. Если бы договор между Польшей и Украиной о визах выполнялся в полном объеме, то он не создавал бы больших трудностей во взаимных контактах (не будем касаться обременительности самого прохождения необходимой визовой процедуры). Однако некоторые положения договора применяются весьма ограниченно (например выдача, годовых виз лицам, занятым в сфере экономического, научного и культурного сотрудничества). Серьезного внимания требует и вопрос улучшения качества пограничных и таможенных процедур — их прежде всего необходимо ускорить (в частности, путем обуздания коррупции). Оба этих вопроса приобретают тем более важное значение, что из-за террористических актов, происшедших в последние месяцы, режим на европейских границах весьма ужесточился (например, Франция восстановила паспортный контроль). А ведь ежегодно наши границы пересекают миллионы поляков и украинцев (в прошлые годы таких пересечений было от 6,5 до 8 миллионов).

Теперь на повестку дня в польско-украинских отношениях встал вопрос о том, чтобы украинцы могли получать легальную работу в Польше, и это действительно серьезная проблема. По некоторым оценкам, в Польше работает около 300 тысяч украинцев, и подавляющее большинство — нелегально, несмотря на то что в целом у них репутация честных и, что важно, недорогих работников. Происходит так не потому (во всяком случае не только потому), что польские работодатели хотят обмануть отечественные фискальные органы, но прежде всего потому, что иностранец может получить разрешение на работу только выдержав настоящее хождение по бюрократическим мукам. Нынешнее положение, крайне неудобное для украинцев, одновременно наносит реальный ущерб польскому бюджету. Самым простым и в то же время вполне возможным решением, несмотря на относительно высокий уровень безработицы в Польше, может стать введение контингентов для сезонных рабочих. Такое решение принято и успешно действует во многих европейских странах. Положительный эффект здесь очевиден, а негативных побочных последствий либо вовсе нет, либо они незначительны. Как представляется, эта простая истина постепенно доходит до чиновников польского ведомства труда, ибо, согласно сообщениям СМИ, переговоры по этому вопросу уже значительно продвинулись вперед.

Представленный выше перечень вопросов, которые требуют решения в сфере польско-украинских отношений, разумеется, неполон. Я старалась выделить те вопросы, которые особенно важны для наших стран и граждан. Полякам и украинцам придется справляться с серьезными вызовами. Я не настолько большой оптимист, чтобы считать, что мы справимся со всеми предстоящими трудностями, но со многими из них мы сможем справиться. С пользой для граждан наших стран и нашей части Европы.

2: ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- “Несколько десятков тысяч человек, в т.ч. зарубежные гости (в частности, председатель Европейской комиссии Жозе Мануэль Баррозо, президенты Германии, Украины и Венгрии, полтора десятка премьер-министров, а также Вацлав Гавел) приняли участие в праздновании 25 летия “Солидарности” в Гданьске. Торжественную литургию отслужил делегат Папы Бенедикта XVI архиепископ Станислав Дзивиш. Однако героем праздника был прежде всего Лех Валенса — только ему выпала честь произнести речь на специальном заседании Национального Собрания”. (“Тыгодник повшехный”, 11 сент.)

- “Польша и “Солидарность” стали источниками вдохновения для демократических перемен в Европе”, — повторяли в Гданьске президенты государств, освободившихся от тоталитаризма после 1989 года. Все выражали надежду на то, что свобода придет и туда, где до сих пор сохранилась диктатура. (“Жечпосполита”, 1 сент.)

- ““„Солидарность” преобразила Польшу и Европу. Но на этом мирная революция не может закончиться. Настал черед Белоруссии”, — говорили вчера в Гданьске политики со всей Европы (...) Такого стечения президентов и премьеров, как во время торжественной закладки Европейского центра солидарности, Гданьск еще не видел”. (“Газета wyborча”, 1 сент.)

- “Лех Валенса, слегка поседевший, более спокойный и сдержанный, (...) принимал заслуженные почести. Наравне с Виктором Ющенко и Вацлавом Гавелом он удостоился теплых слов и овации стоя”. (“Газета wyborча”, 2 сент.)

- Адам Михник: “В августе 80 го Польша плотнула свежего, чистого воздуха. Мощная волна забастовок охватила всю страну. Забастовка Гданьской судовой верфи (...) завершилась знаменитым Гданьским соглашением и созданием профсоюзов, не зависевших от коммунистической власти (...) Бескровный демонтаж коммунистической диктатуры, обретение независимости, установление парламентарной демократии и рыночной экономики, экономический рост, вступление в НАТО и Евросоюз, прочные границы, хорошие отношения с соседями и национальными меньшинствами — это, пожалуй, не так уж мало”. (“Газета wyborча”, 27-28 авг.)

- Из проповеди архиепископа Станислава Дзивиша во время торжественной литургии в Гданьске: “Необходимо вернуть людям право на свободное воскресенье, пресечь частые нарушения права на восьмичасовой рабочий день, прекратить бесчеловечное обращение с трудящимися и радовать о достойном вознаграждении за труд”. (“Впрост”, 11 сент.)

- Из выступления Тимоти Гартона Эша на гданьской международной конференции “От „Солидарности” к свободе”: “Польская революция выработала новую модель, которая пришла на смену кровавой модели революции, знакомой нам уже несколько столетий — начиная с 1789 года (...) Традиционные революционеры — якобинцы, большевики, исламские фундаменталисты — чаще всего утверждали, что цель оправдывает средства. Революционеры „Солидарности”, подобно Вацлаву Гавелу и другим отважным и дальновидным лидерам

центрально-европейского освободительного движения, поняли, что от применяемых нами методов зависит, к чему мы в конце концов придем”. (“Газета wyborcza”, 1 сент.)

• “Порыв „Солидарности” следует расценивать в тех же категориях, что американскую и французскую революцию или мирное движение Ганди в Индии”, — сказал вчера в Варшаве Збигнев Бжезинский, который в 1980 г. был советником президента США Джимми Картера. Бжезинский выступал перед несколькими сотнями участников [первой части] конференции “От „Солидарности” к свободе”, среди которых было множество выдающихся политиков, мыслителей и священнослужителей со всего мира — в частности, бывший госсекретарь США Мадлен Олбрайт, российский правозащитник Сергей Ковалев, кардинал Жан-Мари Люстиже и лорд Дарендорф. (“Газета wyborcza”, 30 авг.)

• Александр Халль: “„Солидарность” сыграла огромную историческую роль. Однако в свободной Польше она не могла сохраниться в виде многомиллионного движения (...) Я считаю, что было бы лучше, если бы осуществилась идея Леха Валенсы: после обретения независимости надо было с почетом опустить славное знамя „Солидарности” и не использовать его в спорах и конфликтах другой исторической эпохи. Я со всей отчетливостью вспомнил об этом, глядя на выходы шахтерских профсоюзников перед Сеймом и памятником Армии Крайовой в Варшаве. Что же сохранилось и что должно сохраниться? Несомненно, память о великом событии 25 летней давности, которое легло в основу нашей независимости; память о том, какими были люди в эти необыкновенные дни — серьезными, гордыми, преисполненными чувств человеческого достоинства и общности”. (“Жечпосполита”, 29 авг.)

• “„Если я сумел помочь в чем-то хорошем, то я очень этому рад”, — скромно говорит седой пожилой мужчина. Это Винценты Дембицкий, в 80 е годы — майор разведки гданьской госбезопасности. Богдан Борусевич представил его вчера как второго после капитана Адама Ходыша сотрудника подпольной „Солидарности” (...) „Ходыш, Седлинский, Дембицкий. Кто еще из сотрудников ГБ был связан с “Солидарностью”?” — спрашиваем мы Богдана Борусевича. — „Был еще один человек. Не знаю, хотел бы он открыть свою фамилию, поэтому скажу только, что он действовал независимо, ничего не зная о Адаме и майоре Дембицком”, — отвечает Борусевич”. (Марек Вонс и Марек Стерлингов, “Газета wyborcza”, 8 сент.)

• Марек Эдельман: “В заключение прекрасного, оптимистического праздника „Солидарности” я хочу сказать, что самое главное — это жизнь. А когда есть жизнь, самое главное — свобода. А свободы не бывает без демократии (...) Но давайте не будем обольщаться! Человек — не ангел, а для мирной революции нужны две стороны. Я знаю, что прольется еще немало крови, прежде чем идеи солидарности и дружбы воцарятся во всем мире”. (“Газета wyborcza”, 2 сент.)

• “Из года в год все больше иностранцев ищет в Польше политического убежища. В 2002 г. о получении статуса беженца ходатайствовало около 5 тыс. человек, в 2003 — почти 7 тысяч, а в 2004 — уже больше восьми тысяч. В основном с просьбой предоставить им политическое убежище обращаются чеченцы”. (“Пшеглэнд православный”, август)

• Вальдемар Кучинский: “В период с 1989 по 2001 г. полезная площадь, приходящаяся на одного человека, увеличилась с 17 до 19 кв.м. (...) В 1989 г. уборными были оснащены 85% городских квартир и 48% сельских. В 2002 г. эти цифры составляли соответственно 95 и 75%. В тот же период оснащенность ванными возросла с 83 до 92% в городах и с 52 до 76% — в селах (...) В 1991 г. машину имели 38% семей служащих, 30 — рабочих, 41 — крестьян и 14 — пенсионеров. Спустя 11 лет машина была у 57% служащих, 49 — рабочих, 75 — крестьян и 30 — пенсионеров. В 1995 г. компьютер имели 12% семей служащих, 8 — рабочих и по 2% семей крестьян и пенсионеров. Спустя семь лет компьютерами были оснащены уже 36% домов служащих, 23 — рабочих, 5 — крестьян и 3 — пенсионеров (...) В 1990 г. младенческая смертность составляла (...) 19,3 промилле (...) а спустя 14 лет — 6,8. (...) У родившегося в 1989 г. мальчика впереди было 66,8 лет жизни, а у девочки — 75,5. Тринадцать лет преобразований прибавили обоим по 3,5 года (...) В 1992 г. (...) в 60% всех польских рек вода не соответствовала ни одной категории (...) в физико-химическом отношении, а в 88% — в бактериологическом. Спустя 10 лет эти показатели составляли соответственно 19 и 41%. В 1989 г. (...) предприятия выбрасывали в атмосферу 1,5 млн. тонн пыли и 5 млн. тонн газов. В 2002 г. предприятия, производящие в два раза больше (исходя из ВВП), выбрасывали 140 тыс. тонн пыли и 1,9 млн. тонн газов”. (“Тыгодник повшехный”, 11 сент.)

• Почти 1200 предпринимателей, политиков и ученых прибыли в четверг в Криницу на четырехдневный XV Экономический форум (...) “„Несмотря на кризис ценностей и медленный экономический рост, Европа продолжает оставаться крупнейшим экономическим регионом и самой значительной экспортной силой в мире”, — сказал участвовавший в работе форума премьер-министр Марек Белька, подчеркнув при этом, что наш континент все еще остается регионом благосостояния, стабильности, высочайших социальных стандартов и охраны окружающей среды”. (“Жечпосполита”, 8 сент.)

- Бывший президент Польского национального банка (ПНБ) Ханна Гронкевич-Вальц на форуме в Кринице: “Европа не верит в демократию. Если бы она верила, она не смирилась бы с тем, что произошло с ЮКОСом, или с тем, что творится в Белоруссии. Европа изменяет своим корням, она полна лицемерия”. (“Жечпосполита”, 10-11 сент.)
- Из подготовленного шведским Агентством оборонных исследований и представленного на Экономическом форуме в Кринице отчета “Российский военный потенциал в перспективе 10 лет. Проблемы и тенденции 2005 года”: “Риск российского энергетического шантажа в отношении Запада высок, но в случае стран Прибалтики и СНГ такой шантаж неизбежен”. (“Жечпосполита”, 8 сент.)
- “В присутствии президента Путина и канцлера Шредера Россия и Германия подписали вчера соглашение о строительстве газопровода по дну Балтийского моря. Это политическое, враждебное нам решение. С экономической точки зрения строительство газопровода по дну моря — предприятие гораздо более дорогостоящее, чем его прокладка по суше, например, в виде второй нитки Ямальского газопровода. Пока что строительство приостановлено”. (Кшиштоф Бень, “Жечпосполита”, 9 сент.)
- “Это новое Рапалло (...) Планируемый газопровод должен идти по дну Балтийского моря из России в немецкий порт Грейфсвальд в обход прибалтийских государств, а также Польши и Украины, т.е. тех транзитных стран, через чьи территории проходят в настоящее время нефте- и газопроводы, поставляющие сырье из России на Запад (...) Сказать, что планируемый газопровод противоречит интересам Польши, а также Прибалтики и Украины, — это слишком мало. По сути дела немецко-российская „труба” практически полностью отрежет все эти государства от транзита газа между востоком и западом Европы”. (Иоахим Тренкнер, “Тыгодник повшехный”, 11 сент.)
- “В прошлом у России были проблемы с транспортировкой газа как через Украину, так и через внешне послушную ей лукашенковскую Белоруссию. По мере возможности она ослабляет позицию и репутацию своих бывших прибалтийских республик, что делает невозможным осуществление проекта „Амбер” — газопровода, который должен был пройти через Литву, Латвию и Эстонию, тем самым повышая их значение. Кроме того, Россия хочет продемонстрировать свою силу Польше (хотя и довольно дорогостоящим способом) или, точнее, показать нам наше бессилие перед лицом российского влияния в Германии. Это ее право и ее дело”. (Адам Подольский, “Газета wyborcza”, 9 сент.)
- “В этом году объем польского экспорта превысил 33,5 млрд. евро (...) Быстрее всего растет экспорт продуктов питания, химикатов и автомобилей (...) При этом особенно заметен рост экспорта в Россию — в первом полугодии он увеличился на 62% (в пересчете на евро). По сравнению с первыми шестью месяцами прошлого года значительно увеличился польский экспорт в Чехию, Великобританию и Италию. Нашим главным рынком сбыта продолжает оставаться Германия, но ее доля уменьшается — с 31,3% в первом полугодии 2004 г. до 28,6% в настоящее время”. (Халина Бинчак, “Жечпосполита”, 13-15 сент.)
- “По данным Польского национального банка, за последние 12 месяцев (с июля 2004 по июнь 2005 г.) польские нетто-инвестиции в иностранные ценные бумаги составили 1,8 млрд. евро, т.е. на 300 млн. больше, чем в предыдущие 12 месяцев (...) Иностранные инвесторы продолжают делать у нас значительно более крупные капиталовложения, чем на других рынках, однако отток капитала из Польши все увеличивается”. (Шимон Карпинский, “Жечпосполита”, 25 авг.)
- Проф. Станислава Галиновская: “Согласно отчету ООН, рост предприимчивости польских женщин — самый быстрый в Европе. Кроме того, в Польше женщины чаще, чем мужчины, имеют среднее и высшее образование. Однако они все еще намного реже, чем в странах „старой Европы”, занимают руководящие должности”. (“Жечпосполита”, 7 сент.)
- “В Польше наблюдается заметное уменьшение концентрации двуокиси азота. В 2001 г. она была почти в два раза меньше, чем в 1996-м. Это говорит о том, что экономическое развитие не обязательно должно сопровождаться загрязнением воздуха”. (Лукаш Каневский, “Жечпосполита”, 7 сент.)
- “Больше десяти тысяч банок и свыше 5 тонн сухого корма намеревается приобрести Центральный район [Варшавы]. Сегодня истекает срок подачи конкурсных заявок. Закупленный корм будет передан опекунам [бездомных] кошек. Заказ детально специфицирован. Чиновники точно определили, сколько должно быть банок с рыбой, кроликом, говядиной и курой”. (“Жечпосполита”, 29 авг.)
- “Приюты лихорадочно ищут новые дома для брошенных в каникулы животных. Чаще всего они мешали своим хозяевам свободно проводить отпуск и в результате оказались на улице. Их привязывали к деревьям или на

полном ходу выбрасывали из машин (...) Каникулы кончились, но приюты готовятся принять очередную, осеннюю волну животных. Это бесхозные обитатели садовых участков и сторожевые собаки со строек, за которыми зимой некому присматривать”. (“Газета выборча”, 30 авг.)

- Председатель Конституционного суда проф. Марек Сафьян: “В 2004 г. принятые Сеймом правовые акты заняли 21 тыс. страниц „Законодательного вестника”. Законодательство становится еще более туманным из-за растущего из года в год числа дополнений к законам, которые составляют 60% принимаемых документов. О состоянии законодательства свидетельствует и то, что в 2004 г. в 44 из 79 постановлений Конституционного суда фиксируется несоответствие принятых законов конституции”. (“Жечпосполита”, 8 авг.)

- “К году и трем месяцам условно с пятилетним испытательным сроком, а также к штрафу в размере 20 тыс. злотых приговорен Анджей Леппер за инсинуации в адрес политиков с трибуны Сейма”. (“Газета выборча”, 10 авг.)

- Адам Михник: “Ежедневно мы слышим площадную брань — в газетах, телевизионных программах, на партийных собраниях, с трибуны Сейма, а иногда и с церковных амвонов (...) Я слышу эти настойчивые призывы к выслеживанию предателей и агентов, к люстрации, декоммунизации, дискриминации. Я вижу и слышу, как унижают людей всё новые следственные комиссии, а журналисты, ведомые стадным чувством, стремятся укусьнуть первыми. Несчастные гонимые псы бесчестных охотников! И только изредка слышится чистый голос гуманиста, предостерегающий от вспышки ненависти или от цивилизации подлости”. (“Газета выборча”, 10-11 сент.)

- “В монастыре паулинов на Ясной Горе [в Ченстохове] прошла встреча экзорцистов со всей Европы. В Польше служат 55 экзорцистов. В каждой римско-католической епархии есть один или два священника, которые занимаются освобождением одержимых людей от злых духов”. (“Пшеглэнд православный”, август)

- “[Кардиохирург] Збигнев Релига отказался от участия в президентских выборах и попросил своих избирателей голосовать за Дональда Туска (...) Лидера „Гражданской платформы” поддержал также Лех Валенса”. (“Тыгодник повсехный”, 11 сент.)

- Влодзимеж Цимошевич: “Я отказываюсь от участия в президентских выборах в знак протеста против падения политических нравов. В нынешней кампании в невиданных прежде масштабах использовались ложь и клевета. В ход были пущены лжесвидетели и фальшивые документы. Направленная против меня массированная атака черного пиара принесла ожидаемый результат. Исключительно подлым нападкам подверглась моя семья, мои дети (...) Среди кандидатов я не вижу человека, достойного этого поста”. (“Газета выборча”, 15 сент.)

- Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, на президентских выборах за Дональда Туска готовы проголосовать 49% поляков, за Леха Качинского — 22, за Анджея Леппера — 9, за Марека Боровского — 8%. (“Газета выборча”, 15 сент.)

- Согласно опросу ГфК “Полония”, в преддверии парламентских выборов “Гражданскую платформу” поддерживают 35% поляков, “Право и справедливость” — 26, “Самооборону” — 11, “Союз демократических левых сил” (СДЛС) — 8, “Лигу польских семей” — 7, аграрную партию ПСЛ — 5%. (“Жечпосполита”, 7 сент.)

- “„Я придерживаюсь умеренных взглядов; ну, то есть, мне трудно их определить”, — говорит Марта Куляй, 19-летняя студентка, которая будет голосовать впервые в жизни. На польской политической сцене она хотела бы видеть новую партию, которая в первую очередь займется ремонтом дорог”. (“Политика”, 20 авг.)

- “„КГБ грозило убить моего ребенка!” — говорит белорусская оппозиционная журналистка Ольга Класковская, бежавшая из Белоруссии в Варшаву вместе со своей четырехлетней дочерью Мирославой (...) Ольге 23 года, последние шесть лет она проработала в независимой газете „Народна воля””. (“Газета выборча”, 9 авг.)

- “В минском аэропорту белорусские таможенные службы конфисковали у Анатолия Лебедько материалы конференции, посвященной 25 летию „Солидарности”. Таможенный досмотр продолжался 2,5 часа (...) „Мне сказали, что эти материалы угрожают политической и экономической безопасности Белоруссии”, — сообщил Лебедько”. (“Жечпосполита”, 3-4 сент.)

- “На протяжении недели 14 активистов белорусских неправительственных организаций перенимали у своих украинских коллег опыт „оранжевой революции”, а у поляков — опыт местного самоуправления и гражданского общества (...) Белорусы призывают польские органы местного самоуправления не прерывать контактов с

белорусскими городами: „Поддержите белорусские неправительственные организации, стремящиеся к демократизации общественной жизни и пропагандирующие идею гражданского общества, организуя обмен молодежью, который поможет формировать будущую интеллектуальную элиту””. (Александра Кшижаняк-Гумовская, “Газета wyborcza”, 27-28 авг.)

• “Премьер-министр Марек Белька выделил из бюджетного резерва почти миллион злотых на создание независимого радио, вещающего на Белоруссию”. (“Тыгодник повсехный”, 21 авг.)

• “„Польша хочет, чтобы ее партнеры по региону включились в диалог с Белоруссией”, — заявил президент Александр Квасневский после неофициальной встречи в Крыму с президентом Украины Виктором Ющенко (...) О Белоруссии Квасневский говорил также с пребывающими в Крыму президентами Литвы и Грузии Валдасом Адамкусом и Михаилом Саакашвили. Как подчеркнул польский президент, позиции Польши, Украины, Литвы и Грузии по этому вопросу идентичны”. (“Жечпосполита”, 19 авг.)

• “В Лиде сидит главный редактор „Глоса знад Немна” (органа Союза поляков Белоруссии) Анджей Писальник и журналист польского происхождения Анджей Почобут. До недавнего времени там сидели заместитель председателя СПБ Юзеф Пожецкий и профсоюзный активист Мечислав Яськевич. В Гродно под стражей находится основатель и первый председатель СПБ Тадеуш Гавин; вместе с ним сидит заместитель [нынешнего законного председателя] Анжелики [Борис] Веслав Кевляк. Кто знает, не вздохнет ли Анжелика с облегчением, когда ее наконец тоже — в чем никто не сомневается — посадят в тюрьму (...) Начиная с марта, когда Анжелику неожиданно избрали председателем Союза, весь государственный аппарат оказывает психическое давление на эту простую 31 летнюю женщину”. (Вацлав Радзивинович, “Газета wyborcza”, 20 авг.)

• “В пятницу на проходящий в Волковыске съезд Союза поляков прибыли только делегаты, назначенные [белорусскими] властями. Справедливо подозревая, что деятели Полонии захотят поехать в Волковыск, власти решили помешать им в этом. Метод был избран простейший: пятницу активисты СПБ провели в милицеских участках (...) В Гродно был избит представитель созданного „Правом и справедливостью” Комитета солидарности с Белоруссией Михал Дворчик. К нему подошли двое мужчин и спросили, не найдется ли закурить. Когда он ответил, что не курит, его начали бить (...) Точно таким же образом поступали в Москве с польскими дипломатами”. (Петр Костинский, “Жечпосполита”, 27-28 авг.)

• “В Волковыске на субботнем съезде Союза поляков Белоруссии не было независимых наблюдателей. В самом начале заседания зал попросили покинуть также польских и белорусских журналистов. Зато много было агентов КГБ и чиновников идеологического отдела государственной администрации”. (Вацлав Радзивинович, “Газета wyborcza”, 29 авг.)

• “Белорусские власти вновь контролируют Союз поляков Белоруссии. Организованный ими съезд избрал председателем Юзефа Лучника. Польский МИД заявил, что считает это избрание недействительным, так как съезд прошел „с нарушением правил демократии”. Прежнего председателя СПБ на протяжении пяти месяцев милиция допрашивала 45 раз”. (“Тыгодник повсехный”, 4 сент.)

• “Председатель Союза поляков Белоруссии Анжелика Борис прибыла в Страсбург. „К счастью, у нас, [белорусских] поляков, есть наша вторая родина — Польша, которая заботится о нас и представляет наши проблемы на международном форуме. У белорусов нет и этого”, — говорила Анжелика Борис на встрече с евродепутатами”. (“Жечпосполита”, 9 сент.)

• “Власти России принесли официальные извинения в связи с избиением польского дипломата и усилили охрану польского посольства”. (“Газета wyborcza”, 12 авг.)

• “Неизвестные и до сих пор безнаказанные лица напали вчера в Москве на корреспондента газеты „Жечпосполита” Павла Решку. „В городе продолжается охота на поляков, — говорит посол Польши в России Стефан Меллер. — Нападение было похоже на предыдущие: в субботу — на русского сотрудника нашего посольства, в воскресенье — на технического работника и в среду — на Марека Решуту, второго секретаря посольства””. (“Газета wyborcza”, 12 авг.)

• Стефан Меллер: “Я не вижу в этом никакой случайности. Преступники располагают полной информацией о сотрудниках польского посольства. Они явно принадлежат к прекрасно организованным структурам”. (“Жечпосполита”, 13-15 авг.)

• Президент Александр Квасневский: “Я глубоко обеспокоен очередными актами насилия против польских граждан в Москве (...) Надеюсь, что подавляющее большинство российского общества считает происходящее

достойным осуждения”. (“Газета выборча”, 12 авг.)

• Григорий Явлинский: “Эти инциденты подтверждают горькую правду о том, что российская политика вновь опирается на большевистские принципы (...) Я хотел бы обратиться к польскому обществу с просьбой о понимании того, что гнусные происшествя на улицах Москвы не имеют ничего общего с российским народом”. (“Газета выборча”, 19 авг.)

• Из коммюнике канцелярии президента Польши: “12 августа 2005 г. состоялся телефонный разговор президента Республики Польша Александра Квасневского с президентом Владимиром Путиным (...) Президент В.Путин разделил озабоченность президента А.Квасневского безопасностью польских граждан (...) [Президент Путин] заверил, что российская сторона предпримет все необходимые меры, чтобы разыскать и покарать лиц, совершивших нападение на польских граждан, и выразил сожаление в связи с этими инцидентами”. (“Газета выборча”, 13-15 авг.)

• Проф. Ежи Помяновский: “Кризис в польско-российских отношениях — явление не новое. Он может продолжаться до тех пор, пока Россия не предложит нам иной выбор, нежели альтернатива между угрозой бойкота и покорностью. Сейчас этот кризис обрисовался с такой отчетливостью по двум причинам (...) Во-первых, потерпели крах планы того российского лагеря, который можно назвать неоимперским. Польскую топливную экономику не удалось сделать зависимой до такой степени, чтобы иметь решающее влияние на направление нашей политики (...) Во-вторых, по соседству с нами появился новый, самостоятельный политический субъект — Украина. Польша воспользовалась случаем, чтобы оказать Украине бескорыстную помощь и наконец засыпать разделявшую два народа пропасть, в которую утекло столько крови”. (“Жечпосполита”, 13-15 авг.)

• “Польша не впервые стала „суррогатным врагом”. Слабая Россия не может бросить перчатку американцам, но проамериканской Польше — вполне. Подобным образом обстоит дело и с Евросоюзом, который, по мнению Москвы, совершил ошибку, принимая в свой состав государства, некогда находившиеся в сфере ее влияния (...) Наконец, следует помнить о личной неприязни Путина к Польше и Квасневскому. Ведь никто не оскорбил его больше, чем „коммунист” Квасневский, успешно реализовавший в Киеве программу „белого” маршала Пилсудского”. (Мацей Лентовский, “Жечпосполита”, 25 авг.)

• “„Мы хотим дружеских, добрососедских, взаимовыгодных отношений с Польшей”, — сказал в интервью „Московским новостям” министр Сергей Лавров (...) В пятницу перед польским консульством в Петербурге демонстрировало несколько десятков молодых людей (в частности, из демократических партий „Яблоко” и СПС), которые развернули огромный транспарант: „Россия + Польша = дружба навек”. На транспаранте было также написано (...) „Лех Валенса” и „Солидарность”. „Мы пришли сюда, чтобы показать, что в России есть не только люди, которые быют поляков”, — говорили демонстранты”. (“Жечпосполита”, 27-28 авг.)

• “Рязанский горсовет (...) решил изменить название площади Тадеуша Костюшко на площадь Василия Маргелова (...) Авторы этой идеи напомнили, что Костюшко поднял восстание против царя”. (“Жечпосполита”, 6 сент.)

• “Верховный суд окончательно утвердил приговор к трем годам лишения свободы, вынесенный подполковнику Збигневу Х. за шпионаж в пользу СССР и России”. (“Жечпосполита”, 7 сент.)

• “„Серый” 60 лет спустя. В ночь с 4 на 5 августа отряд под командованием капитана Антония Хеды „Серого” захватил тюрьму в Кельце (...) Разгром келецкой тюрьмы был первой такого рода операцией после занятия Польши Красной Армией. Было освобождено свыше 600 человек — в большинстве узников польской госбезопасности и НКВД”. (“Газета выборча”, 8 авг.)

• “Прошло пять лет со дня открытия польского воинского кладбища в Медном (...) Кладбище в Медном расположено в 30 км от Твери, недалеко от шоссе, ведущего в Петербург. Именно там в 1991 г. были обнаружены массовые захоронения поляков, убитых в Калинин весной 1940 года. На территории площадью 1,7 га было открыто 25 массовых захоронений, в которых покоятся останки более чем 6300 узников особого лагеря НКВД в Осташкове — главным образом работников государственной полиции, которые попали в советский плен после 17 сентября 1939 года”. (“Жечпосполита”, 3-4 сент.)

• Станислав Лем: “К сожалению, Иосиф Бродский был прав, говоря, что любовь к преступлениям и массовым убийствам — неотъемлемая черта человеческой природы, хотя, разумеется, она не проявляется повсеместно (...) Массовое уничтожение армян и евреев каким-то образом укладывается в широко понимаемое направление современной цивилизации. Используя соответствующую организацию общества, необыкновенно легко склонить

людей к тому, чтобы истязать и отправлять в печи себе подобных (...) В свое время мне не слишком хотелось верить в истинность слов Бродского о том, что для людей смысл убийства заключается в нем самом, а все обоснования — лишь фиговый листик”. (“Тыгодник повсехный”, 31 июля)

• “Анкеты российского правительственного ЦИОМа провели опрос, касающийся Польши (...) Широкие круги российских граждан вовсе не думают о нас плохо. 43% опрошенных сказали, что Польша для них — „нормальная европейская страна”. Еще для 13% это „уютное, красивое место, которое хотелось бы посетить”. Целых 30% опрошенных упомянули Польшу как союзника во II Мировой войне. Еще больше (43%) назвали совместное участие во II Мировой войне важным событием в истории обоих народов (...) 49% опрошенных считают, что нас больше объединяет, а 32% — что разделяет”. (“Газета wyborcza”, 18 авг.)

• Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, поляки считают польско-российские отношения “прохладными” (43,9%) или “напряженными” (39,7%). В польской анкете Россия ассоциируется главным образом с Катынью (28%), пактом Риббентропа—Молотова (24%), войной 1920 г. и разделами (по 18%). Большинство поляков (67,1%) считает, что у России и Польши больше того, что их разделяет, чем объединяет. Для поляка Россия — это лишь Путин (67,9%), Сталин (44%) и Ленин (23%). Опрашиваемые могли дать несколько ответов. (“Газета wyborcza”, 29 авг.)

• “В субботу, в 37-ю годовщину вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию и подавления Пражской весны, генерал Войцех Ярузельский извинился за участие в интервенции польских солдат. „Это огорчает меня и причиняет мне боль. Я смотрю на это с огромным сожалением, но тогда я не мог поступить иначе. С политической точки зрения это были глупые решения. Однако, поскольку я принимал участие в их принятии, я приношу извинения. Хочу повторить это еще раз, особо отметить и подчеркнуть”, — сказал Ярузельский в интервью чешскому телевидению ЧТВ”. (“Жечпосполита”, 22 авг.)

• “Ярузельский не впервые извинялся перед чехами. В начале 90 х, еще будучи президентом Польши, он принес в польском Сейме извинения тогдашнему президенту Чехословакии Вацлаву Гавелу. Тогда он подчеркнул, что вторжение было „серьезной политической и моральной ошибкой””. (“Газета wyborcza”, 22 авг.)

• Гмину Пинск (Подляское воеводство) будут охранять совместные польско-литовские полицейские патрули. Большинство жителей гмины — литовцы. Полицейские из Польши и Литвы будут вместе следить за порядком на проходящем в Ошкинях Литовском фестивале. (“Жечпосполита”, 20-21 авг.)

• Министр иностранных дел Польши Адам Даниэль Ротфельд посетил греко-католический монастырь студитов в Уневе на Украине, где он, будучи ребенком, пережил Катастрофу и II Мировую войну. Там он “почтил память иерархов униатской Церкви тех времен — братьев Шептицких. Именно митрополит львовский Андрей Шептицкий поручил греко-католическому духовенству спасти евреев (...) Климентий Шептицкий был игуменом монастыря в Уневе и архимандритом ордена студитов”. (“Жечпосполита”, 20-21 авг.)

• “61-я годовщина ликвидации лодзинского гетто. Вчера в лодзинском Парке спасенных встретились люди с разных концов света, чтобы отметить годовщину ликвидации гетто. В парке растет почти 400 деревьев, которые символизируют людей, выживших в гетто. Вчера были посажены новые деревья (...) 29 августа 1944 г. немцы отправили из лодзинского гетто в Аушвиц-Биркенау последний эшелон евреев. В марше памяти, прошедшем с еврейского кладбища на железнодорожную станцию Радегаст, откуда отправлялись эшелоны, приняли участие несколько сот жителей Лодзи”. (“Газета wyborcza”, 30 авг.)

• Барбара Энгелькинг из Центра исследований Катастрофы еврейского народа при Институте философии и социологии ПАН: “Нельзя „понять” Холокост (...) Ведь Катастрофа (...) не имела никакого „смысла”. Единственное, что можно „открыть” — это индивидуальный смысл, который конкретные люди придавали своему опыту. Вот сущность Катастрофы: ответ человека на постигшее его зло (...) Когда-то в нашем Центре мы раздумывали, можно ли перестать заниматься Холокостом. Пожалуй, нельзя. Никакие другие темы уже не кажутся существенными и глубокими (...) Это не та тема, о которой человек забывает, придя домой (...) Это откладывается в организме — попросту физиологически. Но это откладывается и в душе в виде очередного пласта печали (...) Моя сопротивляемость существующему в мире злу уменьшается. У меня нет сил выдерживать низость, подлость и бесчестность”. (“Тыгодник повсехный”, 28 авг.)

3: НАЦИЗМ И КОММУНИЗМ: ВМЕСТЕ В ОДНОЙ ЕВРОПЕ

Эту выставку, подготовленную по-современному и с глубоким знанием истории, уже по первым отзывам можно считать уникальной. Хотя бы потому, что ее содержание в той или иной степени может коснуться каждого:

слишком велик груз ушедшего столетия, которое подвергло человека испытаниям на физическую и моральную прочность.

Мультимедийная экспозиция под названием “Европа XX века: обличья тоталитаризма” призвана представить генезис и последствия двух систем — нацизма и коммунизма. Она представляет своего рода лабиринт, продвигаясь по которому посетитель проходит через очередные залы, словно проходя этапы тоталитарного испытания — начиная с результатов первой мировой войны, через трагические события середины прошлого века и заканчивая разделами “Катастрофа нацизма — торжество коммунизма” и “Борьба с коммунизмом”. Отдельными блоками рассказывается об экспансии большевистской революции, в том числе — о войне 1920 года, развитии гитлеровского фашизма, сближении двух идеологических империй в канун II Мировой войны, военном противостоянии двух видов тоталитаризма и послевоенном положении, возникшем в результате победного марша Советской Армии и последовавшего за ним установления коммунистической системы в странах Восточной Европы. И все это на фоне репрессий и подавления личности как при нацизме, так и при коммунизме.

Рассказ о событиях прошлого ведется не на языке современных комментаторов, а с позиции их участников и тогдашнего знания и понимания истории. Свидетели и свидетельства ведут к одному: чт(сделал с человеком тоталитаризм в Европе XX века. Поэтому героями повествования оказываются совершенно разные люди: теоретики и функционеры, оппортунисты и бунтовщики, подпольщики и доносчики, палачи и жертвы... Их воспоминания представлены в текстовых материалах, звукозаписи и киноинтервью.

Инициатор выставки — центр “Карта”, занимающийся документированием и популяризацией истории современной Польши и Восточной Европы. Его руководитель Збигнев Глюза говорит, что хотя экспозиция в основном касается событий, происходивших на территории Польши, в ней выражена не только польская точка зрения. Это плод многонациональной совместной работы с участием партнеров из Германии, Австрии, Украины и России. “Особенно мне хочется отметить участие в создании выставки нашего многолетнего партнера и близнеца, российского общества “Мемориал”, который докопался до таких источников, о которых мы и не знали”, — подчеркивает Глюза. И напоминает о ставшем визитной карточкой выставки документальном снимке 1937 г. с противогазовых учений в Советском Союзе, который поначалу произвел впечатление фотомонтажа или кадра из киноинсценировки.

“Мемориал” к этой выставке подготовил целиком два раздела: вокруг революции и террора 30 х годов — и дал материалы в другие разделы. Говорит председатель правления этой независимой российской организации Арсений Рогинский:

— Не хотел бы преувеличивать нашей роли, потому что главный автор выставки — “Карта”, сотрудничество с которой по восстановлению исторической памяти мы высоко ценим. Мы не можем воскресить репрессированных, но должны назвать имена всех жертв. Наша выставка — это и наша историческая ответственность. Экспозиция будет требовать модернизации по мере обнаружения новых материалов и пополнения знаний. Сегодняшний взгляд из XXI века требует новых нюансов в подходе к историческим фактам. Тоталитаризм — это не только террор, не только репрессии. Тоталитаризм — это набор идеологем, это совсем другая система ценностей, когда, например, коллективизм противопоставлялся индивидуализму и провозглашался отказ от сложившегося быта. Не все было так прямолинейно, как можно иногда воспринять из экспозиции. Террор — это только одно из обличий тоталитаризма.

Открытие выставки стало одновременно торжественным открытием Дома встреч с историей, который организован центром “Карта”, а со следующего года станет варшавским культурным учреждением, финансирующимся из городского бюджета. Уже решено, что выставка “Обличья тоталитаризма” станет постоянно действующей экспозицией, которая будет доступна и в “компьютерном варианте”. А это значит, что с ней смогут познакомиться и многочисленные пользователи компьютеров.

Предполагается, что передвижная версия выставки, которая, кстати, осуществлена на четырех языках: польском, английском, немецком и русском, — сможет экспонироваться в других странах. Первое ее путешествие запланировано в Германию. Организаторы пока не хотят везти ее в Россию, опасаясь, что в довольно напряженный момент польско-российских отношений некоторые официальные лица могут объявить ее политической провокацией. Такие разделы, как “Союз тоталитаризмов” и “Советская оккупация”, у кое-кого в Москве наверняка вызовут раздражение. Что ж, такие опасения и суждения говорят только об одном: нам вместе еще долго предстоит повышать уровень исторического сознания.

Анджей Пшевозник, секретарь Совета охраны памяти борьбы и мученичества:

Это очень нужная выставка, обращающая внимание на два важных явления. Европа XX века жила под знаком двух тоталитаризмов — национал-социалистического и коммунистического. Они были похожи друг на друга, но по-своему и отличались: нацизм был направлен как бы наружу, на граждан других стран, а коммунизм — прежде всего на своих соотечественников. Последствия “деятельности” этих тоталитаризмов для людей велики. Выставка ясным и доступным образом демонстрирует весь ужас двух нечеловеческих систем, что необыкновенно важно для молодежи как в Польше, так и в России. Нам всем нужен объективный взгляд на историю. Выставка “Обличья тоталитаризма” — большой шаг к взаимопониманию, и, во всяком случае, она побуждает к дискуссии.

4: ПЛЕННЫЕ КРАСНОАРМЕЙЦЫ В ПОЛЬСКИХ ЛАГЕРЯХ

Объемистый том “Красноармейцы в польском плену в 1919-1922 гг.” подготовлен Федеральным архивным агентством России, Российским государственным военным архивом, Государственным архивом Российской Федерации, Российским государственным архивом социально-экономической истории и польской Генеральной дирекцией государственных архивов на основе двустороннего соглашения от 4 декабря 2000 года. Это первый **совместный** труд российских и польских историков и архивистов о судьбе красноармейцев, попавших в польский плен во время войны 1919-1920 гг. — 85 лет назад. Общественный интерес к столь давней проблеме, возродившийся лет 15 назад, неразрывно связан с проблемой Катыни — настолько, что вопрос о красноармейцах, погибших или умерших в польском плену, нередко называют “Анти-Катынью” или “Контр-Катынью”. Вероятно, многим трудно смириться с признанием ответственности СССР за Катынь, а потому хочется найти какие-то контрпримеры. Без натяжки можно сказать, что возрождение интереса было поддержано или даже инициировано еще руководством СССР. Следственная группа Главной военной прокуратуры СССР в своей работе по Катыни опиралась на распоряжение президента СССР М.С.Горбачева от 3 ноября 1990 г. по итогам визита в Советский Союз министра иностранных дел Польши — в этом распоряжении давалось указание Прокуратуре СССР “*ускорить следствие по делу о судьбе польских офицеров, содержащихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях*”. Но последний пункт распоряжения звучал следующим образом: “*Академии наук СССР, Прокуратуре СССР, Министерству обороны СССР, Комитету государственной безопасности СССР совместно с другими ведомствами и организациями провести до 1 апреля 1991 г. исследовательскую работу по выявлению архивных материалов, касающихся **событий и фактов из истории советско-польских двусторонних отношений, в результате которых был причинен ущерб Советской Стороне. Полученные данные использовать в необходимых случаях в переговорах с Польской Стороной по проблематике „белых пятен”***” (выделено мной. — А.П.).

Едва ли не единственное такое событие — 20 месячная советско-польская война 1919-1920 гг., пленные красноармейцы в польских лагерях и их дальнейшая судьба. Из-за отсутствия исчерпывающих данных в советских архивах российские историки, публицисты и политики приводят самые разные сведения о количестве красноармейцев, погибших в польском плену: цифры, публикуемые с начала 1990 х в массовых изданиях, колеблются от 40 до 80 тысяч человек. Например, в газете “Известия” (2004, 10 и 22 дек.) председатель комитета по международным делам Совета Федерации Михаил Маргелов, а вслед за ним губернатор Кемеровской области Аман Тулеев говорят о 80 тысячах погибших в польских лагерях красноармейцах, ссылаясь на данные российских историков. С другой стороны, в наиболее известном польском исследовании проблемы